

Сумеснае
выданне
БДПУ і БСУ

BSU vəBDPU
Birgə nəşr

№ 2 2011

Вучоныя запіскі
Серыя мовы і літаратуры
Серыя грамадска-палітычных навук

Elmi əsərlər
Dil və ədəbiyyat seriyası
İctimai-siyasi elmlər seriyası

МОВАЗНАЎСТВА

В.Д.СТАРИЧЕНОК

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

В последнее время в лингвистической литературе активизировался научный интерес к изучению языковых контактов, процессов и результатов контактирования двух или нескольких языков. Актуальность поднимаемых проблем и важность проводимых исследований позволили выделить отдельное (самостоятельное) направления, называемое *контактная лингвистика* (*лингвистическая контактология, лингвистика языковых контактов*) [4, с. 8]. В этой связи сербский русист Й.Айдукович предлагает называть основной единицей исследования контактной лингвистики *контактему* – активированный или отображаемый на определенном языковом уровне элемент языка-источника в языке-адресате [1, с. 1]. Вопросы языковых контактов и взаимодействия языков рассматриваются с генетической, функциональной, сравнительно-исторической, синхронной, ареальной и других точек зрения в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов (У.Вайнрайх, Э.Хауген, Б.В.Горнунг, О.Есперсен, А.Росетти, Б.Гавранек, Ю.Д.Дешериев, Л.Б.Никольский, В.Ю.Розенцвейг, А.Е.Карлинский, Е.Д.Поливанов, А.М.Молодкин, А.Д.Швейцер, Л.П.Крысин, А.П.Майоров, Д.В.Лагоденко и др.).

В лингвистической литературе термин *языковой контакт* определяется как вид сосуществования и взаимодействия языков, как устное речевое общение двух (нескольких) сопредельных коренных этносов (этнических групп). Языковые контакты складываются и развиваются под влиянием целого ряда факторов лингвистического и экстралингвистического характера. К таким факторам относятся специфика исследуемого региона, интенсивность лингвоэтнических, бытовых, хозяйственных, религиозных и другого рода отношений, генетическая и структурная близость языков, способ установления контакта между носителями языков и диалектов (прямой, косвенный), длительность и устойчивость контакта (каузальный, перманентный), внешнее или внутреннее региональное контактирование (размещение членов языкового коллектива на одной или смежных территориях), степень участия яру-

сов языковой системы в процессе взаимопроникновения языковых элементов, направление движения языковых единиц (от центра к периферии ареала и наоборот) и мн. др.

Характер языковых контактов во многом определяется конкретной языковой ситуацией – совокупностью форм существования отдельных языков и диалектов в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в пределах определенных географических регионов (административно-политических образований). Важнейшими чертами языковой ситуации являются ее лингвогеографическое единство, взаимодействие в границах социума, функциональные отношения между языковыми единицами, число коммуникативных сфер, социальный статус языков, характер билингвизма и полилингвизма, наличие языка-посредника и др. [8, с. 28-32; 10, с. 617; 11, с. 160 – 161; 17, с. 131-134].

С точки зрения количества представленных языков выделяются два типа языковой ситуации: экzogлоссная (в ней участвует несколько языков) и эндоглоссная (в ней представлены подсистемы одного языка [10, с. 617]). Ситуация белорусско-литовского пограничья (контактно расположенные с Литвой районы Гродненской области) является экzogлоссной и состоит из компонентов, «лежащих в разных плоскостях, но скрепленных причинно-следственными связями» [2, с. 256]. Каждый отдельный язык в таком регионе, как справедливо отмечает Ю.А.Жлуктенко, является не просто одним из ряда языков, используемом в пределах данного ареала, а действенным, динамическим элементом общей многоязычной макросистемы, связанным «в силу этого системными отношениями с ее прочими элементами и в то же время действующим в окружении этих прочих элементов как компонент иноязычной среды» [7, с. 31]. Языковое сообщество этого региона объединяется общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и характеризуется определенной социально-коммуникативной системой – совокупностью кодов и субкодов (языков и диалектов), используемых в обществе и находящимися друг с другом в отношениях функциональной дополнительности. Кросс-культурные взаимодействия между народами-соседями складываются как диалог или полилог культур [5, с. 35].

В языковой ситуации белорусско-литовско-польского региона переплетаются разнообразные факторы в их динамике. Пространство повседневности этого региона заполняют две разновидности белорусского языка – диалектная и смешанная русско-белорусская, именуемая «трасянкай», «простай гаворкай» и являющаяся социальным маркером принадлежности к «простым людям». Функции русско-белорусского мезолекта, на котором говорят практически все представители этого региона, ограничиваются сферой повседневности и обслуживанием ближнего окружения (дом, соседи) [5, с. 35–36]. Русский язык также является средством общения представителей всех национальностей региона (чаще всего – городских жителей), но (в отличие от «простай гаворкі») он обслуживает внеличностную, официальную, публичную, профессиональную сферы, массовую культуру, политику, религию и др. Белорусский литературный язык используется в профессиональной среде пе-

дагогов-белорусистов, представителей художественной интеллигенции, национально ориентированных группах молодежи и является индикатором принадлежности к «белорусскости» [5, с. 37]. Польский язык по причине демографических процессов приобрел имплицитную форму и сохраняется в памяти людей старшего возраста в виде периферийного диалекта «польщизны кресовой». Сфера его употребления ограничивается бытом и религиозной деятельностью. Литовский язык выступает как коммуникативное средство в литовскоязычных ареалах, где он используется в быту, религии и профессиональном искусстве [5; 6; 12; 15; 16]. Свообразными «островами» литуанистики и полонистики являются литовские и польские общеобразовательные школы, в которых в 2009/2010 уч. г. проходили обучение на польском языке 544 школьника (Гродненская и Брестская области), на литовском языке – 65 школьников (Гродненская область) [14].

Характер языковой ситуации с течением времени может претерпевать определенные изменения, в результате чего сила воздействия одного языка на развитие другого зачастую меняется. Безусловно, значительное влияние на динамику языковой оказали события, связанные с образованием самостоятельных литовского и белорусского государств, утратой русским языком статуса государственного в Литовской Республике, изменениями контингента носителей языков в пограничном регионе.

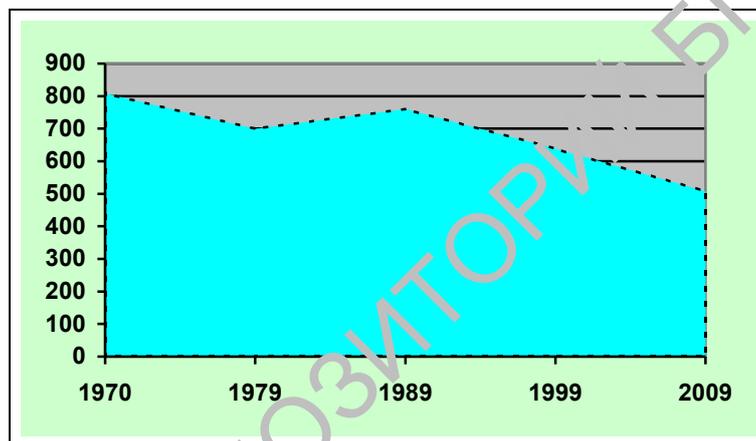
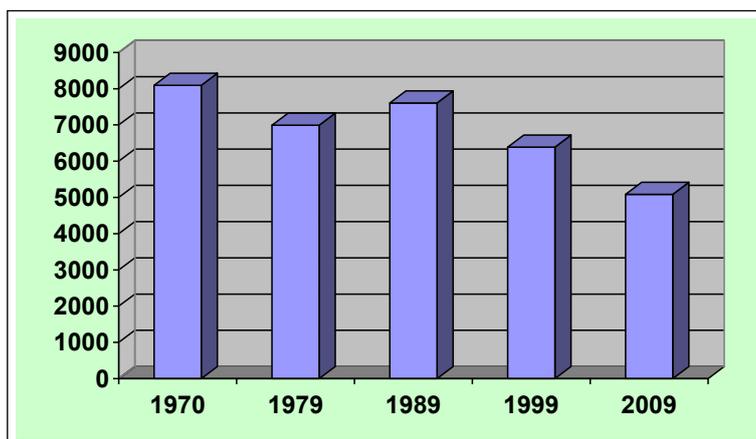
На состояние и развитие языковой ситуации пограничного региона влияют не только языковые, но и культурные, конфессиональные, стратификационные и другие экстралингвистические факторы. К их числу относятся и национальный состав пограничья, а также степень владения проживающих на данной территории тем или иным языком. По данным переписи населения Республики Беларусь 2009 года [13], в стране проживают представители 115 национальностей, из них 294549 поляков (3,1 % от всего населения) и 5087 литовцев (0,1 % от всего населения). Количественный состав литовцев, проживающих в г. Минске и шести областях РБ в период с 1970 по 2009 гг., представлен в таблице 1:

Таблица 1

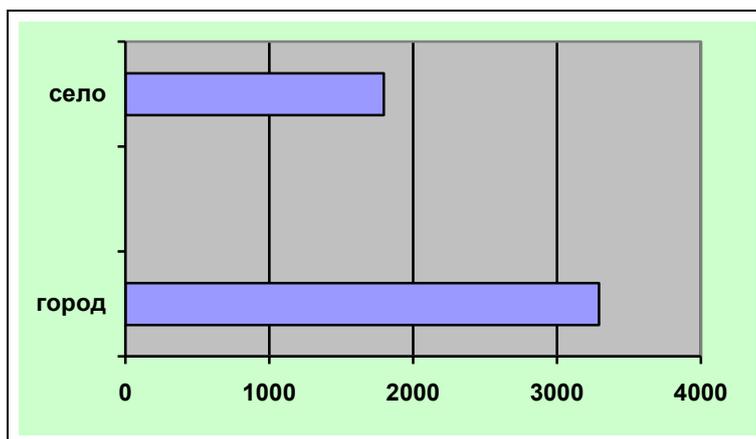
	1970	1979	1989	1999	2009
г. Минск	757	695	892	724	935
Брестская область	385	398	509	422	355
Витебская область	1138	1027	1079	917	624
Гомельская область	427	402	707	411	271
Гродненская область	4224	3427	3087	2964	2153
Минская область	664	569	688	583	476
Могилевская область	497	475	643	366	273
Всего	8092	6993	7606	6387	5087

В следующих диаграммах демонстрируется динамика численности представителей литовской национальности в РБ в период с 1970 по 2009 гг.

Факты свидетельствуют, что за это время число белорусских литовцев сократилось на 38 %.

В настоящее время в городах Беларуси проживает 3291 литовец (около 65 %), в сельских местностях – 1796 человек (примерно 35 %). Наибольшее число литовцев проживает в Гродненской области: в Островецком (643 чел.), Вороновском (473 чел.), Лидском (278 чел.), Гродненском (95 чел.), Сморгонском (94 чел.), Ошмянском (53 чел.), Слонимском (36 чел.) районах. В Витебской области литовцы наиболее представлены в Поставском (85 чел.), Браславском (85 чел.), а также Глубокском (более 20 чел.) и Лепельском (более 20 чел.) районах.

Из общего числа литовцев (5087), проживающих в РБ, в качестве родного назвали литовский язык 1597 человек (чуть более 31 %). В Гродненской области ситуация несколько другая: 766 человек из общего числа проживающих в области литовцев (35,6%) назвали родным литовский язык (см. таблицу 2).

Таблица 2

	Всего	Из общей численности населения данной национальности в качестве родного языка указали язык			
		своей национальности	белорусский	русский	польский
РБ	5087	1597	1311	1999	30
Гродненская обл.	2153	766	713	616	17
Витебская обл.	624	225	74	303	3
Брестская обл.	355	100	56	183	2

Различия в определении родного языка наблюдаются у представителей городского и сельского населения: литовский язык считают родным 792 чел. (24 %) из числа 3291 горожан и 805 чел. (45 %) из числа 1796 литовцев, проживающих в сельской местности.

Один из ответов на вопрос переписи предполагал указать язык, на котором обычно разговаривают дома. Из всей численности литовцев только 277 человек (5,5 %) используют литовский язык в бытовом общении. Эта цифра среди городского населения (3291 чел.) снижается до 50 человек (чуть более 1,5 %), а среди сельского населения (1796 чел.), наоборот, увеличивается до 227 чел. (почти 13,5 %).

Вариативность смыслового содержания лексических единиц в пространственной проекции является одной из самых сложных. Диапазон такой вариативности во многом определяется характером лингвистического про-

странства, его квалитативно-квантитативными особенностями. Избранный в качестве объекта исследования фрагмент балто-славянского ареала с точки зрения квалитативной характеризуется генетической близостью языков и диалектов, многочисленными их контактами, интенсивными интерференционными процессами, существованием этнических и лингвистических субстратных явлений. С точки зрения квантитативной регион характеризуется многочисленными диалектными континуумами. Характеризующие параметры такой интерферентной контактной макроструктуры могут быть конститутивными, или общими (они относятся ко всем входящим в нее микроструктурам), или же факультативными (они касаются только некоторых диалектных континуумов).

Конститутивные параметры в основном сводятся к констатации факта распространенности лексической единицы на всей части ареала и связываются с параллельным развитием языковых систем в рамках универсальных тенденций, общим происхождением самих систем, результатом продолжительной контактной диффузии среди языков. Нельзя забывать о том, что длительное соседство народов, их общий (или похожий) экономический уклад приводит к появлению сходных черт в национальной психологии, мышлении, что в итоге сказывается на увеличении числа общих для различных континуумов лексических единиц. Факультативные параметры связаны с фиксацией большого числа фонетических, семантических, и грамматических локализмов, которые редко очерчивают весь ареал и являются принадлежностью отдельных континуумов.

Пограничный регион, отражающий различные по характеру этнолингвистические связи, накладывает свой отпечаток на лексический состав макроструктуры: в ней наряду с исконными лексическими единицами фиксируется большое число заимствований, инфильтраций и контаминированных форм. На основе данных «Словаря балтизмов в славянских языках» Ю.А.Лаучюте подсчитано, что количество балтизмов в белорусском языке превышает цифру 550, в польском – 400, в украинском – 60 [Лаучюте, Аникин].

Среди заимствований наиболее рельефно выделяются литуанизмы и полонизмы, значительная часть которых прошла все стадии лексико-семантической адаптации и прочно закрепились в системе белорусского литературного языка и его функциональных стилях: *кантур* ← польск. *kaptur*; *куль* ← лит. *kūlys*; *жалоба* ← польск. *żałoba*; *коўш* ← лит. *káusaš*; *сцёрта* ← лит. *stirta*; *моц* ← польск. *moc*; *флякі* ← польск. *flaki*; *імнэт* ← польск. *impet*; *кушнер* ← польск. *kusznierz*; *ліштва* ← польск. *lisztwa*; *ганак* ← польск. *ganek*; *выспа* ← польск. *wyspa*; *капялюш* ← польск. *kapelusz*; *дзірван* ← лит. *dirvónas*; *лэх* ← польск. *loch*; *парэнчы* ← польск. *poręcze*.

В пограничном регионе фиксируются относительно поздние лексические контактемы-заимствования, фиксируемые в нескольких населенных пунктах: *пост. кроўш* (лит. *kriaušis*) ‘берег реки; высокий обрывистый берег; заводь, затон’; *пост., остр., сморг. маўра* (лит. *maurai*) ‘ряска; разновид-

ность рдестовых'; *брасл., ворон., остр. жагары* (лит. *žagaras*) 'тонкие сучья, щепки'; *сморг., ошм., брасл., ивьев. анікула* (лит. *apikula*) 'обмолоченный сноп; околот; лентяй, лодырь; ничтожный человек'; *грод., пост., брасл., волк., мяд., вил. гегні* (лит. *gegnės, geglinis*) 'рыболовная снасть; стропило; приспособление для носки сена, соломы; железный стержень в плуге; кривоватые руки, ноги'.

Полисеманты в пограничном регионе ощущают на себе воздействие компонентов различных диалектных систем, что не может не отражаться на характере их модификаций. В зависимости от соотношенности заимствований с первоисточниками их можно распределить по четырем основным группам:

1. Заимствования с эквивалентной (тождественной) соотношенностью ЛСВ. Обычно они ограничиваются небольшими ареалами (часто фиксируются только в одном–двух населенных пунктах), что, безусловно, не способствует их смысловому развитию. Такие семантические структуры практически копируют иноязычные единицы: лит. *brūzuklis* = *ворон. брузукель* 'деревянная пуговица; бирка для подвешивания сала; вертикальный шпенек в жерновах'; лит. *gurgulai* = *грод. гургале* 'намерзший лёд на окнах; сосулька (ледышка), свисающая с крыши'; лит. *kremzle* = *ворон., ошм. крамзла* 'хрящик; худой человек'; лит. *keltuja* = *щуч., сморг. калтуя* 'било и рукоятка цепа; пест; палка, полено'; польск. *makatka* = *сморг., остр., пост., лид., щуч. макатка* 'небольшой вышитый ковер или картина; вышитая дорожка на стол'.

2. Заимствования с отношениями несовпадения. В таких случаях ЛСВ первоисточника на белорусскоязычной почве утрачиваются, забываются, и в смысловых структурах полисемантов фиксируются новые, ранее не известные иноязычному слову ЛСВ: лит. *vakarinis, vakaris* 'западный ветер' ↔ *лид., новогр. вакарня* 'большая волна; бурное волнение'; лит. *krumštis* 'кулак' ↔ *ворон. кумичок* 'кусоч; клочок, лоскуток'; лит. *laigesys* 'беготня' ↔ *пост. лагяза* 'шустрый, расторопный человек; вертихвостка';

3. Заимствования с отношениями пересечения. Смысловые структуры таких полисемантов в белорусских говорах и первоисточнике полностью не совпадают, ибо, как правило, осваивается не весь комплекс ЛСВ, а только его часть, на основе которой возникают новые ЛСВ (обычно локативы). Немаловажное влияние на это оказывают активно действующие в говорах тенденции к семантической дифференциации и интеграции диалектной лексики и связанные с ними дивергентные и конвергентные процессы. Количество совпадающих и несовпадающих ЛСВ может быть самой различной: лит. *liurba* 'толстая щепка; неопрятный, неряшливый человек; рохля, телепень; разиня' ∩ *ивьев., волк., вил. люрба* 'толстая щепка; толстый пласт земли; толстый кусок сала'; лит. *gaktos* 'передняя часть саней; передняя, выступающая часть печи' ⊃ *ивьев., ворон. гохта* 'передняя часть саней; головки полозьев; деревянная основа рыболовной снасти'; лит. *pūžlys* 'толстяк; человек маленького роста; слабый, болезненный человек' ∩ *ворон. пужліс* 'толстяк;

гордец, спесивец; рыхлый качан капусты'; польск. *fałda* 'складка, сборка; морщина; изгиб пластов земной коры' ∩ *сморг., грод., брасл., лид., лях., швенч. фалды* 'складка, сборка; морщина; пластинка в пластинчатых грибах'.

4. Заимствования с отношениями включения. В таких случаях белорусское слово и его литовский или польский эквиваленты расходятся в количестве ЛСВ. В зависимости от ширины семантической парадигмы полисеманта выделяются две разновидности включения. В первом случае иноязычное слово, сохраняя определенные значения языка-источника, на белорусскоязычной почве развивает новые ЛСВ и тем самым расширяет свой смысловой объем, увеличивает семантическую парадигму. Во втором случае заимствованное слово в белорусском языке сужает смысловой объем: более широкая семантическая парадигма полисеманта языка-источника включает в свой состав все ЛСВ белорусского слова, а также неизвестные белорусскому аналогу значения.

Расширение смыслового объема полисеманта может осуществляться как за счет включения нового ЛСВ (им может быть семантическое заимствование, определенный локализм и др.), так и посредством увеличения смысловой емкости отдельных ЛСВ. Оба способа взаимосвязаны, ибо увеличение смысловой емкости ЛСВ во многих случаях приводит к ответвлению самостоятельного ЛСВ или оттенка, а это значит – к увеличению численного состава семантической парадигмы. Поэтому второй способ можно трактовать как одну из ступеней первого, его промежуточный этап: лит. *šiuropa* 'птица с взъерошенными перьями' ⊃ *грод., дятл., ивьев., ворон., волк., люб. шурпа* 'порода кур, гусей с взъерошенными перьями; курица во время линьки; спутанные нитки; капуста, не образующая кочана; неопрятный человек'; лит. *gūžta* 'гнездо, логово' ⊃ *ворон., брасл. гушта* 'гнездо, логово; лунка, где купаются куры; истоптанные посевы; собственное гнездо; семья'; лит. *liunas* 'трясина, топь' ⊃ *остр., брасл., трак. люна* 'трясина, топь; зыбкий грунт, зыбун; водоросли'.

Взаимовлияние языков выявляется не только на уровне заимствований. Проксимальная (непосредственная) форма языковых контактов в условиях взаимодействия каждой из диалектных систем с литературными языками, различные виды билингвизма и полилингвизма, параллельное использование нескольких языков является одной из причин интерференции – непроизвольного перенесения особенностей одного языка в другой, что приводит к определенным изменениям структуры слова и отклонениям от норм в одном из языков. Интерференция выявляется на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и других уровнях языка и зависит от ряда факторов (соотношение и статус контактирующих языков, особенности языковой политики, уровень владения языком, социальная принадлежность говорящих и др.). Интерферируемые элементы, становясь фактом языковой системы региона, могут в большей или меньшей степени влиять на специфику развития языка в условиях языкового контакта. На лексико-семантическом

уровне интерференция проявляется в накладывании ЛСВ лексических единиц различных языков, в результате чего в одном из языков слово употребляется в не свойственном ему значении. Как правило, употребление такого слова ограничивается рамками речи, разговорного стиля. Чаще всего такого рода семантическая интерференция наблюдается в идентичных или похожих по звуковому оформлению единицах. Ими могут быть генетически родственные слова, разошедшиеся в смысловом развитии, ранние заимствования, полностью адаптировавшиеся в языке, омонимы и паронимы: *новогр., коп., несв. абэ́ржа* ‘большое неуютное помещение’ < польск. *oberza* ‘корчма’ ↔ *мин., молод. абэ́ржа* ‘дородная плотная женщина’ < *béržti* ‘толстеть, мужать’; *грод., ивьев., мяд., пруж. мента* ‘наждачная лопатка для точки косы; мешалка; болтун’ < лит. *mente, mentele* ‘лопата для копки картофеля, размешивания раствора’) ↔ *мог. мента* ‘мята’ < *mięta* ‘тс’. Интерференция часто сопровождается интеркаляционными проявлениями. В отличие от интерференции, когда наблюдаются изменения во вторичном языке билингва под влиянием первичного, при интеркаляции, представляющей противоположно направленный процесс, происходят изменения в первичном языке билингва.

На смысловое развитие лексических единиц большое влияние оказывает звуковая и морфемная схожесть слов разных языков, в результате чего наблюдаются различного рода ассоциативные сближения исконного и заимствованного слов, служащие в целом базой для развития полисемантической своих и чужих номинаций. Образование новых ЛСВ в таких случаях может носить непредсказательный, спонтанный характер и не всегда истолковываться традиционными представлениями о смысловом эпидигматическом развитии слова, что связано как со звуковой и морфемной мотивацией, так и приблизительным, не совсем ясным пониманием значений заимствованных слов, неточным восприятием их эмоциональной, коннотативной окраски, воздействием семантически близких языковых единиц, семантической аналогией. Так, ЛСВ *сморг., ивьев., остр., ворон. кніці* ‘ногти; когти; клешни; пальцы’ образовались в результате контаминации с бел. *kinці* ‘ногти’ и влияния лит. *knibiū* ‘тс’, *knibcai* ‘крюк’. На возникновение ЛСВ полисеманта *дырда* (< лит. **dirda*) ‘девушка-шалунья, озорница; высокий неуклюжий, неловкий человек’ оказало влияние похожее в звуковом и смысловом отношениях слово *дылда*. Смысловая структура полисеманта *гардзель* ‘горло; пищевод; кадык; бечева’ сформировалась под влиянием польск. *gardziel* ‘глотка, горло’ и рус. *гардель* ‘бечева, канат для поднятия паруса’.

Таким образом, языковые контакты в белорусско-литовском пограничье являются довольно сложными и не всегда укладываются в рамки регулярных и предсказуемых закономерностей. Контактные языковые зоны отражают характер взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения различных этнических образований. Сосуществование в таком регионе нескольких генетически родственных языков и диалектов, устная форма их бытования, многочисленные интерференционные процессы, различные виды билингвизма и другие причины способствуют появлению большого числа за-

имствований, инфильтраций, локализмов, а также сложных в семантическом и структурном плане образований.

Литература

1. *Ајдукович, Й.* Контактма – основна јединица лингвистичке контактологије // Славистика, VII. – Београд, 2003. – С. 1-12.
2. *Аврорин, В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка : (К вопросу о предмете социолингвистики) / В.А.Аврорин. – Л. : Наука, 1975.– 276 с.
3. *Аникин, А.Е.* Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке / А.Е. Аникин – Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма, 2005.– 394 с.
4. *Багана, Ж.* Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Багана Жером; Сарат. гос. ун-т. – Саратов, 2004. – 42 с.
5. *Беспамятных, Н. Н.* Белорусско-польско-литовское пограничье: специфика языковой ситуации / Н.Н.Беспамятных // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации : материалы Международной научной конференции, 22-23 ноября 2007 г., ч. 1. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 34 –39.
6. *Булдык, И. М.* Функционирование белорусского и русского языков в сельской местности Гродненской области; автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02 / И.М.Булдык; Ин-т языкознания АН БССР. – Минск, 1965 – 20 с.
7. *Жлуктенко, Ю.А.* Неорганический язык в многонациональной ситуации /Ю.А.Жлуктенко // Языковые ситуации и взаимодействие языков.– Киев : Наукова думка, 1989. – С.22 – 42.
8. *Карлинский, А.Е.* Основы теории взаимодействия языков / А.Е.Карлинский. – Алма-Ата : Гылым, 1990. – 180 с.
9. *Лаучюте, Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках / Ю.А.Лаучюте – Л.: Наука, 1982. – 212 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. *Мечковская, Н.Б.* Общее языкознание : Структурная и социальная типология яз. Учеб. пособие для филол. и лингвист. специальностей / Н.Б.Мечковская. – 2-е изд. - М. : ООО "Флинта" : Наука, 2001. - 312 с.
12. *Міхневіч, А.Я.* Функцыі мовы і маўлення і праблемы беларуска-рускага двухмоўя /А.Я.Міхневіч // Кьтанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў. – Мінск: Навука і тэхніка,1982. - С. 50 — 75.
13. Перепись населения 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь, том III. – Минск, 2011.
14. Параўнальны аналіз развіцця адукацыі ў рэгіёнах Рэспублікі Беларусь (статыстычны даведнік) – Мінск, 2009.
15. Русский язык в Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1985. – 272 с.
16. *Смулкова, Э.* Беларуска-літоўскаа-польскае этналінгвістычнае пагранічча (Сучасныя праблемы) /Э.Смулкова // Беларусістыка = Albaruthenica: Кн. 1. – Мінск: Навука і тэхнік, 1993. – С.143 – 149.
17. *Швейцер, А.Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы / А.Д.Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 176 с.